

“если я опущусь на колени, встать самой мне уже не удастся”

Джоан Сазерленд — Газете

Джоан Сазерленд: «Занятия вокалом считаются неперспективными в финансовом отношении, мужчина трижды подумает, прежде чем посвятить свою жизнь опере»
Фотограф: Михаил Разуваев/Газета

От восторженных итальянцев она получила титул La Stupenda — «изумительная»: такой чести, как личный эпитет, удостоивались лишь самые великие оперные дивы. Королева Великобритании пожаловала ей официальный титул Дамы Британской империи. Всю жизнь Джоан Сазерленд, легенда оперной сцены, пропела в Ковент-Гардене. И всю жизнь прошла рука об руку с мужем, дирижером Ричардом Бонингом. Сегодня оба оказались в Санкт-Петербурге. С Ричардом Бонингом и Джоан Сазерленд встретилась обозреватель Газеты Гюльяр Садых-заде.

Джоан Сазерленд: Опера расцветает, когда в нее вкладывают деньги. А мужчина сегодня должен думать о том, как заработать, чтобы прокормить жену и детей. Если занятия вокалом считаются в обществе неперспективными в финансовом отношении, мужчина трижды подумает, прежде чем посвятить свою жизнь опере.

А как насчет вашего мужа? Может ли он прокормить жену?
(Оба смеются.) **Д.С.:** Думаю, да. Мой муж зарабатывает достаточно.

Вы присутствуете на спектаклях своего мужа?
Да, конечно. Я бываю не только на спектаклях, но и, когда позволяет время, сижу на его репетициях.

Приходится ли вам заниматься с певцами, занятыми в спектаклях мужа?
Я не работаю вместе с ним, если вы это имеете в виду. Я только слушаю и иногда даю ему советы относительно тембровых красок, интонации. Впрочем, он и без меня прекрасно знает, что певцам необходимо подсказать и как с ними лучше работать.

Вы живете в Швейцарии, чуть севернее Монрё. Расскажите, пожалуйста, о вашем доме, саде, о домашних занятиях.

О, я очень увлекаюсь вязанием, плету шали, накидки на мебель, циновки, салфетки. У нас есть сад, довольно обширный: он расположен на склоне горы и тянется почти до самого подножия. К сожалению, я не могу работать в саду сама: если я опущусь на колени, встать самой мне уже не удастся. Поэтому я обычно лишь руковожу садовниками — у нас работают двое итальянцев. Я им говорю, где и что посадить, что отсюда убрать.

Я люблю крупные растения, люблю расставлять в доме по столам большие букеты, ветки. А в сентябре мы готовим впрок «зимние» сухие букеты. В нашем парке много деревьев и цветов в кадках — не только высаженных в почву растений. Наш дом с фасада — типичное швейцарское шале, старинный дом постройки 1906 года. Но с задней стороны мы его перестроили и реконструировали. Впрочем, задняя сторона дома совершенно не видна, потому что прилегает к склону горы.

Вы не скучаете по Сиднею — вы ведь родом оттуда?

Мы бываем в Сиднее каждый год, и подолгу. Мы ездим к сыну и внукам, они там живут. А мой муж, кроме того, ездит в Сидней работать.

А в швейцарском доме вы живете вдвоем?

Вообще-то мы держим в доме персонал. Раньше у нас работало больше людей, сейчас один умер, другой лежит в больнице. С нами постоянно живет секретарь, еще повар. Кроме того, нас навещает сын Адам с женой и детьми. Хотя они уже давно не дети: одному моему внуку восемнадцать, другому — двадцать лет.

Когда вы приезжаете в Лондон, вы ходите в оперу, в Ковент-Гарден просто так, для удовольствия? Ведь это в прошлом ваш театр?

Уже давно не была там. Когда я приезжаю в Лондон, то, разумеется, не бегу сразу же в оперный театр. К тому же мне не нравятся нынешние постановки опер — на мой вкус, они слишком авангардные.

А кто является эталоном оперного режиссера в вашем понимании? Какие оперные спектакли вам запомнились именно в постановочном смысле?
Традиционные постановки, в которых не пытаются оригинальничать и осовременивать сюжет.

Ричард Бонинг: Нам нравятся такие постановщики, как Дзеффирелли и Висконти. Это режиссеры, которые не разрушили романтического очарования опер девятнадцатого века. Или вот, например, на днях мы ходили в Маринский театр, смотрели «Лебединое озеро». Классическая постановка, очень красивая: как раз то, что нам нравится.

Д.С.: «Богема», «Травиата» — эти оперы не выносят режиссерского насилия, в современном облачении они смотрятся нелепо.

Однако вы сами пели в операх Пуленка и Типпета, а это ведь композиторы двадцатого века... И их ставить в романтическом ключе?

Р.Б.: Но Пуленк не такой уж и современный композитор. В конце концов он почти современник Массне.

Д.С.: Да, я работала и с современной музыкой, это так. Но все-таки я всегда предпочитала петь большие драматические арии.

Вы часто с сожалением говорите о том, что нынешнее поколение молодых певцов не владеет вокальной техникой, в достаточной степени, чтобы справляться

с задачами, которые ставят перед ними большие оперные партии.

Д.С.: Я могу оценить ситуацию с вокальной техникой на примере нынешнего конкурса Образцовой. Кто-то обладает великолепной техникой и чувством стиля, кто-то не очень владеет ей, кто-то совсем плох... Нужны хорошие педагоги, нужна настоящая вокальная школа, чтобы избавить молодого певца от зажатости, научить его вокальной свободе.

Р.Б.: Это при том, что Россия никогда не испытывала недостатка в больших оперных голосах. Но с ними надо правильно работать.

Д.С.: Работать, пока они еще молоды. Как эти, на конкурсе: многим из них двадцать — двадцать пять лет. Им бы сперва поработать над техникой, попеть что-нибудь попроще, а уж потом браться за большие арии. Кроме того, многие выступающие не владели иностранным языком достаточно хорошо: я имею в виду произношение, дикцию. И потому они не совсем ясно представляют себе, о чем, собственно, поют.

Вы даете мастер-классы?

Р.Б.: Она не одобряет сам институт мастер-классов: считает, что в них очень много от шоу и личного пиара. Да и чему можно научить человека за два-три урока? Он же не сможет ни запомнить, ни повторить показанного.

Д.С.: Ну, не совсем так. Если проводить серьезные мастер-классы с одним и тем же составом из года в год, по шестнадцать часов в неделю, методом глубокого погружения в предмет, тогда эти занятия могут что-то дать певцу. Закрепить навыки, натренировать, привить чувство стиля. Но такие мастер-классы — редкость.

Сазерленд Джоан

3.09.03